

Рец. на: EMPIRE DE/CENTERED: New Spatial Histories of Russia and the Soviet Union / Eds. Sanna Turoma, Maxim Waldstein. Farnham: Ashgate, 2013. 362 p. (Empires and the Making of the Modern World, 1650–2000)*

Ekaterina Boltunova

(National Research University Higher School of Economics, Russia)

Rec. ad op.: EMPIRE DE/CENTERED: New Spatial Histories of Russia and the Soviet Union / Eds. Sanna Turoma, Maxim Waldstein. Farnham: Ashgate, 2013. 362 p. (Empires and the Making of the Modern World, 1650–2000)

Империя не знает границ. Способов указать на это существует великое множество. Можно рассказать, например, как в 1714 г. персидский шах Хуссейн подарил Петру I слона, который, пройдя пешком полстраны, добрался до Петербурга, был поселён в особом павильоне на Царицыном лугу и стал «царём» Зверового двора. Так ««одомашнивание» экзотических новинок в символическом отношении [стало] релевантно идее расширения империи»¹. Можно описать, как в конце 1940-х гг. в Георгиевском зале Зимнего дворца – главном тронном зале Российской империи – на месте, где прежде стоял императорский трон, установили карту СССР, чем дали понять: это не только карта-логотип², это агрессивное нанесение логотипа «Российская империя» на карту новой страны.

Сборником «(Де)централизованная империя: новые пространственные истории России и Советского Союза» издательский дом Ashgate Publishing открывает новую серию «Империи и создание современного мира, 1650–2000». Максимально обобщённая формулировка темы и хронологический зазор в 300 лет открывают более чем широкое поле для дискуссии. Во введении составители С. Турома и М. Вальдштейн указывают, что Россия и Советский Союз по-прежнему занимают маргинальное положение в постколониальных исследованиях и пространстве новой имперской истории. Свою задачу

они видят в том, чтобы «депровинциализировать» Россию как объект исследования. В методологическом плане декларируются отход от привычной формулы «Россия vs. Запад», намерение исследовать наднациональные формы политической идентичности и «внезападный опыт империи». Сборник заявлен авторами как часть большого проекта, направленного на «провинциализацию Европы», т.е. на отказ в рамках академической дискуссии от использования «европоцентричной оптики» для изучения всего комплекса явлений и событий (р. 1–3).

На уровне конкретного материала сборник охватывает широкое проблемное поле – от исследований культурных смыслов и возможностей их формирования до вопросов социально-политического развития. Очевидное преимущество свободы выбора конкретных тем для разговора о реальном и воображаемом пространстве СССР и России имеет и свою оборотную сторону – положения, заявленные во введении, не обязательно находят поддержку в каждой конкретной статье. Авторы статей определяют позиции в отношении метода и источников, исходя из собственных представлений.

Сборник состоит из четырёх частей: «Евразийство и интеллектуальное конструирование пространства»; «Наука о пространстве и географическое знание»; «Политическая и культурная экономика

* (Де)централизованная империя: новые пространственные истории России и Советского Союза / Сост. С. Турома и М. Вальдштейн. Фарнхам: Ashgate Publishing, 2013. 362 с. Серия «Империи и создание современного мира, 1650–2000».

(пост)советского пространства»; «Репрезентируя империю: медиа, искусство, литература». Хронологически публикации охватывают весь XX в., однако в первой половине сборника в большей степени рассматривается переход от Российской империи к СССР, а во второй – изменения, произошедшие в советский и постсоветский периоды.

В двух первых частях сборника, в которых представлены статьи о евразийстве, а также о географии и естественных науках, обсуждаются вопросы интеллектуальных нарративов, связанных с формированием в России и СССР представлений о пространстве. Сборник открывает статья С. Глебова, известного своими работами о евразийском движении³. Она посвящена изучению контактов одного из самых значительных лингвистов столетия Р. Якобсона с лидерами евразийства, в частности с Н.С. Трубецким и П.Н. Савицким. Автор фиксирует единство целого ряда их представлений. Якобсон и евразийцы критически воспринимали европейскую модернность: Якобсон отождествлял Европу с буржуазным конформизмом, чуждым интеллектуальному развитию, евразийцы считали её источником разрушительно-революционного начала. Кроме того, Якобсон, Савицкий и Трубецкой были схожи в оценках личности русской научной традиции, которую они воспринимали как особый целостный подход, основанный на телеологии, противостоянии позитивизму и эволюционизму. Якобсон, по мнению Глебова, не был (и не мог быть) полностью вовлечён в деятельность движения, но был способен критически переработать его идеологические постулаты для выстраивания собственной научной концепции. Евразийцы, в свою очередь, восприняли новый язык структурализма с его кажущейся способностью разрешить вопрос о соотношении цельности и многообразия.

Анализ процессов формирования евразийства отражён и в статье И. Торбакова «Между Россией, Украиной и Евразией: Георгий Вернадский и поиск идентичности». Автор рассматривает биографию и взгляды известного историка и показывает, как на его идеи повлияли поиски себя. Первоначально воспринимавший себя русским, он со временем, узнав от отца о своих украинских корнях, а также под

воздействием жизненных обстоятельств (революции, Гражданской войны и эмиграции), сформировал более сложную конструкцию собственной идентичности, которую Торбаков называет русско-украинской. Доктрина евразийства, по мнению автора, стала для Вернадского способом примирить конфликтность «расщеплённой идентичности». Основной тезис статьи о том, что евразийская система взглядов историка стала следствием его новой русско-украинской идентичности, сложно считать доказанным. Торбаков сам указывает, что труд Вернадского «Русская история», написанный в момент, когда автор осознавал себя русским, содержал немало евразийских трактовок и, судя по данным личной переписки историка, вполне мог быть назван «Эссе по истории Евразии» (см. р. 63–64). А если Вернадский-русский уже был Вернадским-евразийцем, то что именно меняет переход к русско-украинской идентичности?

Статья М. Лорель «Пространство как судьба: легитимизация Российской империи через географию и космос» посвящена теоретическому осмыслению территориальной и внетерриториальной экспансии. Статья представляет собой очерк представлений ряда мыслителей и философов, рассуждавших о пространстве и космосе: здесь и сторонники евразийства (Трубецкой, Савицкий), и Л.Н. Гумилёв с теорией «космизма», и советские основоположники теоретического познания космоса (А.Л. Чижевский, К.Э. Циолковский и др.). Завершают список «постсоветские неоевразийские интеллектуалы». Теоретические установки всех вышеперечисленных деятелей скорее систематизированы и каталогизированы, нежели проанализированы. Лорель легко перемещается от одной эпохи к другой и выдвигает в качестве вывода положение о том, что направленность Российской империи и СССР за пределы границ (будь то география или космос) была связана с кругом мессианских идей, вдохновленных православием и мифом о Москве – «Третьем Риме».

Статьи М. Лоскутовой «Регионализация, имперское наследие и советская географическая традиция» и Н. Бэрона «Создавая карту нелиберальной современности (illiberal modernity): наука о пространстве, идеология и государство

в России начала XX в.», помещённые в части сборника, посвящённой географическим представлениям и научному дискурсу, продолжают, по сути, разговор об интеллектуальной истории в контексте восприятия пространства в России и СССР. Работая на стыке социальной истории и истории науки, авторы стремятся показать, как концепции, выработанные в рамках научного поля (прежде всего географии), оказывали воздействие на круг общественных представлений и, сталкиваясь с государственной политикой новой страны при переходе от Российской империи к СССР, оказывались либо апропрированными для решения новых задач, либо, напротив, невостребованными.

Лоскутова ставит вопрос о том, почему в советской науке физическая и экономическая география имели высокий статус, а политическая и культурная занимали маргинальное положение. Она полагает, что вопреки устойчивым историографическим трактовкам такое положение вещей связано не столько с советским периодом, сколько с наследием дореволюционной русской географической традиции. В статье исследуется интерес к «регионализации», т.е. выявлению и/или определению, картографированию и описанию регионов страны, который с начала XIX в. стабильно проявляли географы, биологи, статистики и др. В поле зрения Лоскутовой оказалась деятельность К. Андреева, П.Н. Семёнова-Тян-Шанского и В.В. Докучаева. Значимым представляется анализ сопоставления земских кадастровых списков и влияния этого процесса на формирование традиции систематизации знаний о регионах, а позднее и на принятый советским Госпланом административно-территориальный подход.

Бэрн размышляет о том, как научная интерпретация пространственного дискурса оказалась связана с государственной идеологией. Он обращается к наследию Д.И. Менделеева и Е.Е. Святловского, а именно к их работам о перспективном планировании и социально-экономическом развитии России. Известно мнение Менделеева о том, что Российская империя в ходе территориальной экспансии достигла своих границ, что означало создание не только нового пространства, но и иной политической реальности. Учёный

полагал, что основными задачами для России в начале XX в. станут проведение научно-технического и экспертного анализа ресурсов и выработка новых политических, административных и экономических структур, способных увеличить экономический потенциал страны. Эти позиции были представлены в изданном Менделеевым в 1906 г. капитальном труде «К познанию России», содержащем многочисленные статистические данные о народонаселении регионов страны, вычисления параметров геополитического положения страны, таких как определение двух центров России – «центра поверхности» и «центра населённости». Первый из них, по подсчётам Менделеева, был расположен около границы Тобольской и Томской губерний, севернее Омска, а второй – в «Тамбовской губернии, на северо-восток от Козлова и на запад от Моршанска»⁴. Работы Менделеева по вычислению геодемографических центров стали отправной точкой для исследований Святловского, который активно разрабатывал и продвигал так называемый центрографический метод изучения населения. Святловский, как и ряд других последователей метода Менделеева, принял революцию, поскольку верил, что большевики смогут гарантировать дальнейшее рациональное и самодостаточное развитие страны. Однако методы постепенного планирования, сторонниками которых были Менделеев и Святловский, оказались ненужными, когда на первый план были выдвинуты идеи рекордно быстрого проведения масштабной модернизации СССР.

Вторая половина сборника, посвящённая советскому и постсоветскому периодам истории России, представляется значительно более спорной с точки зрения представленных результатов. Ряд статей повествует о событиях и явлениях, известных и изученных если не хорошо, то ровно до той степени, когда простая перестановка фактов больше не создает впечатления новизны. Показательна статья У. Беста «Контролируемое пространство социалистического интернационализма и его трансгрессия: проекты СЭВ 1970–1980-х гг.» о практической реализации принципа интернационализма на примере работы Совета экономической взаимопомощи. Автор приходит к очевидному

выводу о несовпадении идеологического позиционирования и реального функционирования организации (тщательно выверенный отбор участников бригад, отсутствие контакта между рабочими группами стран соцблока, гендерные стереотипы, профанация декларируемых принципов и т.д.). Статья написана с привлечением обширной источниковой базы, однако остаётся открытым вопрос о том, насколько необходимо доказывать на новом материале общеизвестные вещи.

Другая крайность – статьи, в которых «предрассудок любимой мысли» блокирует развитие авторской концепции. Примером может служить статья А. Кохонен «Изображая Бесконечность: космическая гонка и космический ландшафт», посвященная противостоению, которое СССР и США ввели в 1950–1960-х гг. Анализируя историю советской лунной программы, автор рассматривает дискуссию, развернувшуюся в мире после того, как в 1959 г. советская станция «Луна-3» сфотографировала невидимую с Земли часть лунной поверхности. Как известно, после обнаружения изображений Академия наук СССР предложила наименования разных объектов на поверхности Луны (Море Москвы, Хребет Советский и т.д.), что вызвало противодействие со стороны США, но было, в конце концов, утверждено Международным астрономическим союзом. Кохонен пришла к выводу, что акция носила пропагандистский характер и была значима для репрезентации страны за рубежом. Действительно, сам факт предприятия СССР попытки апроприировать космический ландшафт не вызывает сомнения. Но стоило ли на этом останавливаться? Перспектива изучения материала, представленного в статье, значительно шире. Например, заслуживает отдельного разбора то, что стояло за названиями, предложенными СССР. Почему, например, на лунной карте рядом с советскими названиями появилось Море Мечты или отчего среди учёных, именами которых по инициативе СССР были названы объекты Луны, число русских и советских учёных оказалось так невелико? Рассуждения о пропаганде советской космической программы не позволили автору увидеть потенциал собственного источника. Более того, это именно та

позиция, которую составители сборника считают контрпродуктивной: во введении Турома и Вальдштайн призывали «исследовать скорее контекст, нежели структуру, проблему, нежели диагноз» (р. 3).

В сборнике немало статей, авторы которых склонны пренебрегать методологией, проводить широкие и часто небрежные сравнения, преувеличивать уровень взаимовлияния событий. Многие из статей публицистичны. Этот недостаток, надо признать, весьма распространён в академических работах, посвящённых исследованию недавнего прошлого и, в особенности, постсоветской действительности, во второй части книги становится неотъемлемой чертой большинства текстов. Так, К. Пинноними в статье «Перестройка постсоветского пространства и репрезентация России как евразийского моста» рассматривает идею использовать транспортную инфраструктуру современной России для международного транзита и создания транспортных узлов. При этом тенденция формировать в России международные транспортные коридоры, без какого бы то ни было обоснования, увязывается с доктриной евразийства (см. р. 189).

В статье С. Турома «Реконструированная империя: пространственные и национальные нарративы в русской советской культуре 1960-х гг.» проблемой, как кажется, является методология. Работа посвящена советскому осмыслению пространства и нации в 1960-х гг. В качестве источников автор использует статьи из журнала «Вокруг света», несколько литературных текстов («Уроки Армении» А.Г. Битова, стихи И.А. Бродского), а также книгу П.Л. Вайля и А.А. Гениса «60-е. Мир советского человека». Турома уточняет, что книгу Вайля и Гениса, которую принято считать исследовательской работой, она рассматривает как источник мемуарного характера, но не уточняет – почему такой достаточно сложный в методологическом отношении шаг необходим при наличии огромного объёма других источников. Турома фиксирует различие оценок тех пространственных категорий, которые содержатся в отобранных ею текстах. Так, для авторов журнала «Вокруг света» аэропорт – это пространство мечты, а для Бродского он ловушка (см. р. 244–245). Равным обра-

зом просторы страны становятся то предметом гордости, то проклятьем. Турома интересует, впрочем, не это вполне понятное противоречие во взглядах, а единство образного ряда, имперского по своему наполнению: необозримое пространство страны, красота природы, её сила и мощь. Автор полагает, что, по крайней мере, применительно к постсталинскому поколению, можно говорить о создании новой советской идентичности, которая была артикулирована в терминах географии и культуры. Хотя постановка вопроса в статье представляется вполне обоснованной, а выводы – заслуживающими внимания, довольно сложно отделаться от ощущения, что вся статья не только произошла от известной строки И. Бродского «Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря», но и держится на ней.

Завершает сборник статья К. Платта «Эксцентричная Орбита: картографирование русской культуры в Ближнем зарубежье» о рижской литературной группе «Орбита» и восприятии русской культуры в постсоветской Латвии. Текст разделён на две части, одна из которых представляет собой собственно анализ текстов указанной группы, а вторая повествует об образе России, русской культуры и самовосприятии русских в Прибалтике. Платт пришёл к выводу о стремлении членов группы «Орбита» не столько указать на наличие связей с Россией, сколько позиционировать собственное автономное положение по отношению как к латвийской, так и к русской культуре. Интересно замечание об использовании белого стиха, малопопулярного в России, как выражении особого статуса группы. Очерк представленный как таковой в статье менее удачен. Выводы строятся на основе ответов всего троих респондентов, при этом заданные вопросы не воспроизводятся. Переход от микроуровня (рассказов местных жителей о своём видении жизни в России и Латвии и о статусе русского языка и русской культуры в Прибалтике, бытовых рассуждениях о хамстве в России и «культурности» в Латвии) к макроуровню (рассуждениям о природе власти в России во времена Петра Великого) делает статью публицистичной. О том же говорит и отсутствие в ней чётких хронологических границ. Между

серединой 2000-х, о которой повествует автор, и настоящим моментом представления русской диаспоры о себе могли существенно измениться, а обнаруженное им в 2003 г. и обозначенное (зачастую по умолчанию) как «постсоветское» не обязательно актуально в 2014 г. Очевидно, проблема в том, что академически концепт «постсоветский» изжил себя. Сам термин, быть может, всё ещё указывает на географию, но он больше не объясняет суть происходящих процессов. 1991–2014 гг. – это почти два с половиной десятилетия. Такой же период отделял революцию 1917 г. от начала 1940-х гг. Это сравнение заставляет задуматься: где же граница «постсоветского»? И стоит ли теперь, в 2014 г., говорить о «постпостсоветском»?

Вопреки установкам, изложенным во введении к сборнику, наиболее интересными оказываются статьи, в которых отражается не столько наднациональный, сколько национальный контекст. Такова, например, статья А. Кангас «Игры с империей: образы раннего советского государства в финской политической среде», посвящённая финскому политическому плакату 1918–1926 гг. Автор пришла к выводу, что после обретения независимости в декабре 1917 г. и вплоть до середины 1920-х гг. использование образа Российской империи применительно к Советской России было востребованной политической стратегией. Особое место отводится в статье изображениям периода Гражданской войны в Финляндии (1918), в которых столкновение финских левых («красных») и буржуазно-демократических сил («белых») было представлено не как внутреннее противостояние, а как попытка России дестабилизировать ситуацию извне.

Не менее выразительна статья «Обсуждая советский империализм в современной Польше: к вопросу о польском использовании постколониальной теории» Т. Зарыцкого, который отвечает на вопрос, почему постколониальная теория не получила поддержки в современной Польше. Зарыцкий ищет ответ в сфере социальной психологии. По его мнению, Польша традиционно позиционировала себя как независимого политического актора, не имеющего ничего общего с Россией, которая, в свою очередь, воспринималась как страна

варварская, отсталая, существующая в культурном и политическом отношении вне круга европейских государств. В качестве примера приводится так называемая доктрина Гедройца, выдвинутая польским публицистом и редактором журнала «Kultura» Е.Гедройцем и связанная с особым восприятием граничащих с Польшей Украины, Литвы и Белоруссии. Этот регион воспринимался как зона активного влияния Варшавы и своего рода буфер между Россией и Польшей. Признать наличие колониального прошлого – значит признать собственное периферийное положение по отношению к России, отказаться от идеи культурного превосходства и ретроспективного видения собственной цивилизаторской миссии по отношению к восточному соседу. Кроме того, это повлекло бы за собой необходимость пересмотреть оценку деятельности польской интеллигенции и антикоммунистической оппозиции (в частности, движения «Солидарность»), увидеть социально-политическое, экономическое и культурное влияние имперского Петербурга и советской Москвы и, возможно, отказаться от утверждений об исключительной роли Польши в деле возрождения христианства в Европе. Ссылаясь на известную статью Д. Мура⁵, Зарыцкий также указывает на существование в большинстве стран Центральной и Восточной Европы культа славного прошлого, обуславливающего в Польше отказ «виктимизировать собственную историю» (р. 202). В тексте, кроме того, есть указание на то, что колониализм воспринимается как нечто, отсылающее к чёрной Африке (см. р. 197). Вместе с тем автор обращает внимание на изменение восприятия колониального дискурса в Польше в середине 2000-х гг., связанное, по его мнению, с вхождением страны в Евросоюз и необходимостью использовать язык, понятный Европе.

В целом, авторам сборника «(Де)централизованная империя» удалось показать особое пространственное измерение интеллектуальных нарративов и глубокую, сложно устроенную внутреннюю связь между «имперским» и «советским». Иначе обстоит дело с большинством статей, посвящённых «советскому» и «постсоветскому». Здесь заметно отсутствие единства

установок, пренебрежение методологией, а также крайность некоторых суждений⁶. Главная же проблема кроется, пожалуй, в нежелании преодолеть фрагментарное восприятие истории и культуры, отказ изучать то или иное явление исходя из более широкого контекстного видения. Но ведь персидский слон превратится в символ власти русского царя, только если понять, что такое барочная образность, а карта СССР в Георгиевском зале Зимнего дворца станет свидетельством изменений, произошедших в культурной памяти поколения, только если изучать то, как советское открыло для себя имперский дискурс. Иначе слон всегда будет проходить по каталогу как «потеха», а карта навсегда останется в разряде «пропаганда».

Примечания

¹ Богданов К.А. О крокодилах в России: Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2006. С. 50.

² См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 193.

³ См.: Глебов С. Границы империи как границы модерна: антиколониальная риторика и теория культурных типов в евразийстве // Изобретение империи: Языки и практики. М., 2011. С. 292–316; *он же*. Евразийство между империей и модерном: История в документах. М., 2010.

⁴ Менделеев Д.И. К познанию России. СПб., 1907. С. 142.

⁵ Moore D.C. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique // Publications of the Modern Language Association of America. Vol. 116. 2001. № 1. P. 111–128.

⁶ Нельзя не указать на плохую работу технического редактора. Книга плохо вычитана и пестрит опечатками. В сноске на с. 253 сохранилась помета, при помощи которой редактор призывал автора статьи обратить внимание на номер страницы («page number!!!»). Н. Бэрон транскрибирует слово «царский» как *tsarist* (р. 106, 110), а М. Лоскутова как *czarist* (р. 138). К. Пиннониemi анализирует иллюстративный материал с указанием на цвет, использовавшийся в оформлении плакатов, которые, однако, воспроизведены в книге в чёрно-белом виде (р. 176). Кроме того, сборнику явно недостаёт списка сокращений.